

Русскоязычное население в странах Балтии

Симонян Р. Х., Кочегарова Т. М.

В отношениях между Россией и странами Балтии сложилось много мифов, предрассудков и ложных стереотипов. В полной мере это относится и к оценке положения русскоязычного населения в регионе, анализу которого посвящена данная статья. Авторы рассматривают социальный состав русскоязычной общины, показывают динамику его изменения за последние 18 лет. В статье затрагиваются аспекты межэтнического противостояния в Латвии и Эстонии, дается оценка позиции России по отношению к русскоязычной диаспоре региона.

Советский период

В основном российская община в странах Балтии сформировалась в послевоенный период. Так, например, в Риге перед началом второй мировой войны русских было 8%, белорусов — 1,4%, украинцев — 0,2%. К моменту распада СССР в 1991 г. русских жителей в составе городского населения Риги было уже 47,5%, белорусов — 4,9%, украинцев — 4,7%, а доля латышей за это время уменьшилось с 63,5% до 36,4%¹. До 1940 г. русское население Эстонии составляло 8,2%, половина из которых проживала в приграничных районах, переданных советскими властями после второй мировой войны в состав РСФСР. Таким образом, доля русских в общем балансе населения Эстонии в её современных границах выросло с 4,7% в 1934 г. до 30,8% в 1991г². Резкий рост количества русскоязычных приезжих вызывал естественную озабоченность местного населения³. Кроме того, переселенцы быстро получали жильё, что также усиливало раздражение коренных жителей, которые, если не работали на крупных предприятиях, то десятками лет стояли в очередях на получение жилья. Как известно, в советское время для того, чтобы быстро получить жильё, надо было работать или в строительстве, или на большом производственном предприятии. А именно там и были, в основном, заняты вновь прибывшие.

К началу 1990-х годов в социальной структуре российской общины в Балтии можно было выделить восемь чётко очерченных групп, каждая из которых

отличалась своими специфическими особенностями в отношениях с титульным населением, своими ориентациями и установками.

Первую, довольно обширную, составляли коренные россияне⁴, проживавшие здесь ещё с довоенных, или даже дореволюционных времен⁵. То, что славяне являются такими же древними обитателями этого региона, свидетельствует такой факт. На латышском языке русских называют *krievs*, что исходит от большого славянского племени кривичей, обосновавшегося здесь ещё в VI веке. Среди нынешних русских можно выделить многочисленную, особенно в Латвии, общину русских староверов⁶, сложившуюся с XVII в., бывших солдат и офицеров Северо-западной армии Николая Юденича в Эстонии, которая здесь формировалась, отсюда наступала на красный Петроград, а осенью 1919 г. вместе с тысячами беженцев возвратилась обратно⁷. Сюда же относится и частично осевшая в Балтии в начале 1920-х годов группа первых эмигрантов уже из Советской России.

В некоторых районах Эстонии русские являются столь же автохтонным населением, как и эстонцы, ибо история их заселения восходит к ранним этапам восточнославянской колонизации. В 1030 году великий князь Ярослав Мудрый основал город Юрьев (нынешний Тарту), который с этим названием существовал в течение двух веков. А с конца XI века в Линданисе-Колывани, на месте современного Таллинна, существовало русское купеческое поселение⁸. Поэтому в строгом смысле слова земли, на которых

Симонян Ренальд Хикарович — профессор, доктор социологических наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

Кочегарова Тамара Михайловна — научный сотрудник Института социологии РАН, координатор Российско-Балтийского центра, член Союза журналистов Москвы.

предки русских, восточные славяне, жили уже тысячу лет назад, не могут рассматриваться лишь как приобретение эпохи Петра I.

На территории Латвии восточнославянские поселения и православные храмы встречались ещё до нашествия крестоносцев в XIII веке. В межвоенный период русские были крупнейшим по численности этническим меньшинством и в Латвии. По данным переписи 1930 года их насчитывалось 201 778 человек (10,6% населения).

До вхождения республик Прибалтики в состав СССР доля русских в общем балансе населения там не превышала 10–11%. Русские, как и представители других этнических меньшинств (немцы, евреи, поляки, белорусы) сохраняли свою культуру (язык, образование), а также и представительство в органах власти.

Особенность первой группы заключается в том, что это наиболее интегрированная часть нашей диаспоры со всеми характерными признаками — владение языком, высокая степень толерантности, усвоение принятых норм социального поведения, интерес к культуре страны проживания. Более того, русские — постоянные жители Балтии — достаточно быстро воспринимали западную культуру и существенно отличались от русских в России.

При этом необходимо указать на мало известный у нас факт: значительная часть русских Балтии в 1940 г. была репрессирована наряду с представителями титульных народов прибалтийских государств, а чаще всего и прежде титульных, так как «каток» сталинских репрессий прошёл в первую очередь по своим. «Их судьба была особенно трагической, зачастую и до места не довозили, расстреливали по дороге — как «белогвардейцев», так был уничтожен цвет русской интеллигенции в Прибалтике»⁹. Вся сформировавшаяся культурная инфраструктура русского национального меньшинства здесь оказалась разрушенной. Почти все русские политические и общественные деятели стран Балтии погибли от репрессий, начавшихся в 1940 году. Поэтому, чтобы иметь более точное представление об удельном весе русских в общем балансе населения стран Балтии, данные довоенных переписей 1934–1938 гг. в этих республиках нужно серьёзно корректировать. Существующие в массовом сознании латышей, литовцев и эстонцев оценки сталинских репрессий и депортаций в 1940–1950-х гг. как исключительно этнонаправленные совершенно не справедливы. Русская элита тех лет в сталинскую эпоху уничтожалась даже более жестоко, чем титульная. Гонения носили не национальный, а политический и идеологический характер. А если ориентироваться на этнический фактор, то, будучи наиболее состоятельными, т.е. «социально чуждыми» новой власти, более всего пострадали евреи.

Следует подчеркнуть, что представители первой группы, полностью сохраняя свою национальную культуру, активно участвовали в жизни местного общества. По нашим оценкам, доля этой группы в

русской общине составляет не более 8–9%

Ко второй группе можно отнести представителей российской творческой интеллигенции, оказавшихся здесь после войны. Для этих людей переезд в Балтию, где давление правящей партии не было таким тотальным, как в России, являлся своеобразным способом эмиграции на Запад. Это была самая немногочисленная, но очень авторитетная группа. Б.Ф.Егоров, Ю.М.Лотман, Л.Н.Столович, Д.С.Самойлов, Р.Блум в Эстонии, А.И.Клецкин, Ю.И.Абызов, В.А.Дозорцев, Р.Тименчик и Л.П.Коваль в Латвии, К.Н.Воробьёв и Я.С.Канович в Литве — наиболее яркие её представители. Причём поначалу у представителей этой группы тогда ещё не было установки избавиться от идеологического пресса. Они по разным причинам (в том числе и по пресловутому «пятому пункту») оказались невостребованными в Москве, Ленинграде и др. научно-педагогических центрах Союза. Здесь же их как квалифицированных специалистов охотно принимали на работу¹⁰. Сформировавшееся таким образом сообщество создало вокруг себя своеобразную «свободную творческую зону», которая и стала привлекательной для самостоятельно мыслящих людей из других частей Союза. Представители этой группы оказали значительное влияние на культурное развитие региона. «Многие учёные, для которых родным языком является русский, — замечает в этой связи бывший посол Эстонии в России Тийт Мацулевич, один из лидеров эстонской политической партии Res Publica, — оказавшиеся волею судеб в Эстонии, немало сделали для развития науки. Без этих людей культура и духовная жизнь Эстонии многое бы потеряли»¹¹.

Представители данной группы пользовались уважением у коренного населения, у них, как правило, не было языковых проблем, что в свою очередь ещё больше увеличивало либеральный потенциал этих людей. В Прибалтике всегда сохранялась дистанцированность литературы, театра, публицистики на языках титульного населения от идеологических служб. Скромные размеры (не более 1,5–2% в нашей общине) этой элитарной группы с лихвой компенсировались её высоким социальным статусом. Авторитет представителей этой группы в среде местного населения создавал дополнительную мотивацию и особый психологический комфорт в их деятельности. Их господствующая ориентация — творческое самовыражение. Эти люди оказали значительное влияние и на развитие демократических идей в Прибалтике, что признают сами эстонцы.

В третью, более многочисленную, группу (5–6% общины) входили инженеры, врачи, учителя, работники научно-исследовательских институтов, театральные деятели, журналисты и т.п. В формировании этой группы основную роль сыграли приглашения конкретных специалистов, распределение после окончания вузов и пр. Так, до сих пор руководство и инженерно-технический персонал самого крупного

в Латвии Вентспилского порта — это, в основном, выпускники Одесского института морского пароходства, а Игналинская АЭС в Литве укомплектована выпускниками московских и харьковских учебных заведений. Это же относится ко всем русскоязычным редакциям газет и журналов стран Балтии. И сегодня их персонал — это, как правило, выпускники факультета журналистики Ленинградского университета. Таким образом, 2-я 3-я группы представляли российской, или, точнее, многонациональную советскую интеллигенцию, если и не интегрированную в новое общество, но отличающуюся высоким уровнем толерантности и постоянной готовностью к широкому сотрудничеству с ним.

Четвёртая группа (это примерно 8–9%) включала высококвалифицированных рабочих, занятых освоением новых технологий на крупных предприятиях. Их переезд в Балтию вызывался производственной необходимостью и помимо этого способствовал повышению профессионально-технического потенциала республик. Представителей 3-й и 4-й групп объединяло сознание того, что их знания и профессиональная квалификация здесь востребованы, а условия труда и быта соответствуют их ожиданиям. В целом представители всех вышеперечисленных групп воспринимали новую этническую среду вполне доброжелательно и обычно вызывали у титульного населения благоприятное, или, в худшем случае, нейтральное отношение.

В трудах титульных историков и политологов, особенно тех, что появились в начале 1990-х годов, очень часто сквозила мысль, что русские в Балтии в послевоенный период составляли одну сплошную массу приезжих, малообразованных «совков», носителей коммунистической идеологии и русского шовинизма, в лучшем случае равнодушных, а то и враждебных по отношению к местной культуре, которым было всё равно где жить. Уже к концу 1990-х годов такие суждения публично почти не высказываются, но в подсознании многих представителей титульного населения они нередко присутствуют. Но истина заключается в том, что русская община в послевоенной Прибалтике не составляла единой массы ни по своему образовательному, культурному уровню, ни по своей идеологической ориентации, т.е. община была весьма социально дифференцированным образованием. Каждая рассматриваемая здесь группа отличалась более или менее выраженным собственным групповым сознанием.

А вышеперечисленные четыре группы, составляющие примерно четверть часть русской общины в Балтии не только профессионально, но и духовно обогатили социальный потенциал этого региона, — факт, который признают сегодня все без исключения авторитетные обществоведы прибалтийских стран. Представители нашей общины сыграли важную роль и в демократических преобразованиях этого региона. Русские секции народных фронтов Латвии, Литвы и

Эстонии внесли существенный вклад в становление национальной государственности этих республик.

Разумеется, другая истина заключается в том, что титульное население так же дифференцировано относилось к представителям русской общины. Если первые четыре группы вызывали доброжелательное, или, по крайней мере, индифферентное к себе отношение с их стороны, то появление на их земле офицеров Советской Армии прибалты воспринимали уже совсем по-другому.

Вместе с членами своих семей эти военнослужащие составляли многочисленную и весьма заметную социальную прослойку, которая может классифицироваться как пятая группа (она менялась по своему численному составу, но в среднем её представители составляли примерно 13–14% от всей нашей общины). Психологическое своеобразие этой специфической группы было связано с их профессионально «кочевым» образом жизни и соответствующей диспозицией.

Но если временное пребывание офицерского корпуса Прибалтийского военного округа регламентировалось специальным приказом, и выполняющие этот приказ были по существу людьми подневольными, то офицеры-отставники, составляющие шестую группу, жителями Балтии становились по личным предпочтениям. Естественно, это вызывало весьма негативное отношение коренных жителей. А самовосприятие офицеров-отставников как освободителей Прибалтики, чем они справедливо гордились, с нарастанием кризисных явлений в советской экономике вызывала лишь раздражение у значительной части населения этих республик, в том числе и у русскоязычных. Тем более что в социально-бытовом плане отставники и члены их семей отличались наряду с обладанием различных льгот, особой энергетикой и активностью. Удельный вес этой группы составлял не менее 15% общины.

И, наконец, две группы с самым низким статусом. Седьмая — это представители рядового состава срочной службы, которым после отбытия воинской обязанности в Прибалтике удалось там остаться, закрепиться, а затем и перевезти своих родственников («иммиграционный шлейф»). Здесь помимо русских большую долю составляли представители славянских народов — украинцы, белорусы, а также других народов многонациональной России. Десятки тысяч солдат через службу в армии смогли в конце 1940-х и начале 1950-х годов уйти от «крепостного права» послевоенных колхозов. Доля представителей этой группы в общине составляла примерно 10–12%

Лица, переехавшие в Балтию по оргнабору или лимиту строить крупнейшие хозяйственные объекты союзного значения: Ново-Таллинский порт (ныне Мууга), химический комплекс в г. Олайне, завод им. Попова в Риге, Игналинскую атомную электростанцию в Снечкусе, различные объекты в Эстонии к Олимпийским играм 1980 г. и т.п., составили вось-

мую, самую многочисленную группу. Удельный вес русских в этой группе был больше, чем в предыдущей, потому что в неё, как правило, рекрутировались жители наиболее бедных российских регионов, — в основном, из сопредельных областей российского Нечерноземья. За оргнабором почти всегда следовал переезд родственников переселенцев. Так, с 1960 по 1990 г. в Эстонию переехало 11,5% сельского населения Ленинградской и 12% сельского населения Псковской областей¹². Прибалтийские республики были единственным регионом в Союзе, где перед его распадом постоянно усиливался приток русского населения. Естественно, что тёплых чувств к приезжим не прибавляло быстрое предоставление им жилья, как работающим на предприятиях, имеющих фонды для его строительства. Так, к 1991 г. более 90% русских жителей Таллинна имели отдельные квартиры¹³. А напоминать о том, насколько острым для советского периода был жилищный вопрос, вряд ли необходимо. Доля представителей этой группы была наиболее весомая в нашей общине — не менее 37–40%. Таким образом, две самые низкостатусные группы составили примерно половину русскоговорящей диаспоры в странах Балтии. Таким образом, к моменту распада Советского Союза русская община в странах Балтии была резко фрагментирована и отличалась неоднородностью во всех отношениях — социальном, идеологическом, культурном, а также отсутствием внутреннего единства. Её значительное расслоение сохраняется и в настоящее время.

Возрастание доли, а затем и доминирование низкостатусных групп, прежде всего 7-й и 8-й, в российской диаспоре, оказало существенное отрицательное влияние на её имидж в странах Балтии. За четыре с лишним десятилетия (с 1950-х до начала 1990-х) он непрерывно ухудшался¹⁴. «С горечью следует признать, — замечает по этому поводу исследователь из Эстонии Екатерина Фишкина, — что общий культурный уровень русского населения Эстонии невысок. Это, конечно, объяснимо причинами историческими. Старая русская интеллигенция Эстонии была почти полностью уничтожена в сталинских лагерях. В огромном же потоке мигрантов преобладал рабочий класс, к тому же далеко не всегда высокой квалификации. Поэтому среди русских в Эстонии, увы, слишком много людей, которым, что называется, «до лампочки» любая культура»¹⁵.

Среди представителей именно этих двух маргинальных групп следует искать те 35–40% русских, которые 11 марта 1991 г. проголосовали за выход прибалтийских республик из состава СССР, полагая, что выгоднее жить в богатой и комфортной Прибалтике, чем в единой, но бедной Российской Федерации.

Постсоветский период

После распада СССР русские утратили своё особое положение, которое изначально было связано с их исторической функцией в образовании Россий-

ского государства, Российской империи, а затем и Советского Союза, с интегрирующей ролью русского языка и русской культуры, но также и с внедрением в массовое сознание тезиса о том, что русский народ — это «старший брат», «первый среди равных». Более того, русским была уготована теперь совершенно иная роль. В глазах титульного населения они становились олицетворением того самого тоталитарного режима, от которого только что удалось избавиться, или напоминанием о нем.

За прошедшие восемнадцать лет социальная структура нашей общины в странах Балтии существенно изменилась. С 1996 г. практически перестала существовать пятая группа. Советские офицеры, за исключением тех, кто быстро сориентировался и сумел демобилизоваться, и их семьи к тому времени в соответствии с межгосударственными соглашениями покинули Балтию. Резко уменьшилась и четвёртая группа — высококвалифицированные рабочие и младший технический персонал. Национально-радикальные политики Латвии и Эстонии до сих пор склонны гордиться разрушением крупной промышленности, так как это, по их мнению, позволило избавиться от «чужой» рабочей силы. Структурные перемены в экономике, связанные с переходом к рынку, прежде всего, коснулись русских, как наиболее сосредоточенных в кризисном секторе — промышленном производстве. Русскоязычное население стран Балтии имело более «пролетарский» профиль, чем титульное: в 1960–1980-е годы доля промышленных рабочих росла среди русскоговорящих и сокращалась среди титульных, удельный вес которых увеличивался в социальной сфере, науке и культуре. Поэтому представители нетитульного населения после распада СССР оказались в худшем положении на рынке труда.

Длительная социальная депрессия поразила ту часть русской интеллигенции, которая активно поддерживала демократические движения времён «поющей революции». Первые правительства суверенных республик были, в основном, националистическими, русофобскими. Их стараниями русская часть демократического движения (в том числе и участники русских секций «Саюдиса» в Литве, «Народных фронтов» Эстонии — особенно Латвии — была грубо оттеснена на политическую периферию.

Характеризуя нынешнее социальное самочувствие наиболее интеллектуальной части нашей диаспоры в странах Балтии, нужно сказать, что ни высокий профессионализм, ни большой стаж проживания, ни общая культура, ни знание титульного языка, ни даже получение гражданства не оказались сами по себе гарантиями материального благополучия в независимых государствах Балтии.

Внутри российской общины поляризация по уровню доходов существенно выше, чем у титульного населения. Самые неимущие в этой структуре — одинокие пенсионеры, у которых и самая низкая

самооценка, свыше 80% относят себя к низшим слоям общества.

Существует критерий выделения различных социальных групп российской общины в зависимости от возможности ущемлять их в правах. На этой основе эстонский социолог В.Пароль выделяет четыре группы: бывшие военнослужащие и члены их семей; лица, оказавшиеся на территории суверенных государств после провозглашения независимости; лица, занимавшие руководящие посты в партийно-советском аппарате; лица, связанные с деятельностью организаций, противостоявших борьбе прибалтийских народов за отделение от СССР¹⁶. Латвийский социолог И.Апине предлагает типологизацию, основанную на вариантах интегрированности. 1-я группа: «уходящая в прошлое», ориентированная на прежнюю историческую родину. Это, как правило, люди старшего поколения с невысоким социальным статусом. Ожидаемой интеграции не происходит. 2-я группа: прагматическая, ориентированная на интеграцию, позволяющую реализовать свои способности в профессиональной сфере, но без какого-либо интереса к местной культуре. 3-я группа: аккультурационная, на основе более высокой степени интеграции, связанной с активным освоением местной культуры, но без утраты собственной идентичности. 4-я группа: космополитическая ориентация, связанная с гибкой, двойной идентичностью, характерной для потомства из смешанных семей¹⁷.

Итак, что же представляет собой российская диаспора Балтии сегодня?

По различным оценкам прибалтийских социологов, не менее 15–17% представителей нашей общины заняты в сфере официального бизнеса, в том числе и в мелкооптовой торговле, при этом 7–8% русскоязычного населения нужно отнести к социальному слою богатых, около 15% заняты в сфере образования, здравоохранения, торговли, гостиничных, бытовых и других услуг. Примерно 15% заняты в промышленном производстве, на транспорте (русские здесь составляют большинство водителей автобусов, такси, грузовых автомашин), в строительстве (здесь зачастую полулегально), значительная часть квалифицированных рабочих мужчин выезжают на заработки в соседние страны (Финляндию, Швецию, Польшу). Женщины находят работу в качестве горничных, сиделок, домработниц, реже — официанток в Скандинавских странах. Особенно популярны русскоязычные жительницы на этом сегменте рынка труда в Исландии, где они заполняют большинство такого рода рабочих мест в сфере услуг¹⁸. Примерно 20% российской общины составляют пенсионеры, сюда входят и офицеры-отставники, которым пенсионное пособие, превышающее местную пенсию по старости в 4–5 раз, выплачивает Министерство обороны РФ¹⁹. Остальные (а это 18–20%) русскоязычных — здешние безработные.

Наконец, в Латвии и Эстонии в российской общине можно выделить три группы по критерию гражданства: граждане Латвии (Эстонии), граждане Российской Федерации, и лица без гражданства («неграждане»).

Как возникла проблема негражданства

Что же касается лиц без гражданства, т.е. апатридов, то их наличие в Европе в начале XXI века, можно расценить как один из многих гуманитарных кризисов на постсоветской территории, вину за который несут не только руководители Латвии и Эстонии, но и в большей мере руководители России, которые при подписании актов о признании независимости Латвии и Эстонии (на что они не имели достаточно полномочий, но хотя это признание не имеет по существу юридической силы, тем не менее оно послужило основой для выхода Латвии и Эстонии из состава СССР) 24 августа 1991 г. не смогли обеспечить гражданский статус нашей диаспоре. В погоне за властью первый президент России забыл о своих соотечественниках в Балтии. Спешка (акт был подписан менее чем через трое суток после путча) и непрофессионализм, проявленные при подписании документов столь высокого значения, привели к острейшим проблемам и с выводом войск, и с демаркацией границ, и с имуществом, и со многим другим.

Но главный из просчётов, связанных с признанием независимости стран Балтии, состоял в том, что в тот исторический момент, когда возможности для закрепления нормального правового статуса людей, не по своей вине оказавшихся в чужой стране, объективно существовали²⁰, российское руководство не сумело (или не захотело) их использовать, бросив своих соотечественников, по существу, на произвол судьбы. Причём бросило в той атмосфере усиливавшейся неприязни, которую ощущали русские особенно в первые годы независимости этих стран в связи с тем, что именно на них переносилась ответственность за все ошибки и преступления тоталитарной власти в советский период.

Подобного прецедента в мире не было. Ни Франция, когда уходила из Алжира, ни Великобритания — из Индии, ни Испания, Португалия и Бельгия — из своих колоний, не оставляли своих граждан на произвол новых властей.

Поэтому упрёки, высказываемые в адрес националистических политиков Латвии и Эстонии за притеснения русских, не могут рассматриваться вне исторического контекста. Национал-радикалы первых правительств лишь воспользовались благоприятной ситуацией для притеснения русских, которую создал для них глава Российской Федерации, не выдвинувший соответствующих требований в качестве необходимого условия признания независимости этих стран. Разумеется, в тот момент эти условия были бы безоговорочно приняты, так как для вчерашних

союзных республик, внезапно обретших независимость, несомненно, гораздо более приоритетной целью было официальное признание Россией их суверенитета, чем права русскоязычных (да и сам термин «русскоязычные» появился позднее). Тем более что в Прибалтике находились части российской армии и только через три года были подписаны документы об условиях их вывода²¹. В те дни и русскому языку вполне можно было обеспечить определённый благоприятный статус. Поэтому справедливые упреки об ущемлении прав значительной части русскоязычного населения, обращённые к руководителям Латвии и Эстонии, будут ещё более убедительными, если их адресовать также и к тогдашнему президенту России.

Надежды на улучшение положения русскоязычного населения были связаны с вступлением стран Балтии в ЕС. Но Европейский союз — организация экономическая, в документах ЕС нет развёрнутых стандартов в отношении прав человека и меньшинств. Когда нужно что-то конкретное, ЕС прибегает к услугам таких организаций, как ОБСЕ и Совет Европы. В Евросоюзе нет единого подхода к оценке положения с национальными меньшинствами в этих странах. Есть официальная позиция ЕС, которая была сформулирована к концу 2003 года. Суть её состоит в том, что законодательство в Латвии и Эстонии в отношении нацменьшинств оценивается как соответствующее европейским нормам, поэтому ЕС не собирается вмешиваться в ситуацию с гражданством. Эти положения основываются на двух типах аргументации. В основе первого утверждение о соответствии законодательства стран Балтии европейским нормам и предпосылка, что русскоязычные не желают ходатайствовать о гражданстве. Второй тип аргументации — утверждение о приоритете законов конкретного государства на его территории и отсутствие общеевропейских норм. Последнее утверждение вступает в некоторое противоречие с первым, когда говорится, что законодательство Латвии и Эстонии соответствует требованиям ЕС в отношении нацменьшинств²².

Русские не возвращаются в Россию

Ещё одним важным исходным моментом, который признан представителями обеих общин теперь уже в равной мере, это тот факт, что русские отсюда не уедут в Россию и при самых неблагоприятных для них обстоятельствах. Даже те русские, которые приехали в Балтию в 1970–80-е годы, т.е. мигранты последней волны, прожив в Балтии более 20 лет, уже психологически не способны к возвращению, они теперь не смогут жить в России. Вхождение россиянина, прожившего длительное время в Прибалтике, в нашу сегодняшнюю действительность требует ломки привычных представлений и долгого процесса адаптации к иному государству, организации производства, правовой защищённости, наконец, бытовым условиям. На этом уровне контакта с современной российской бюрократией контраст особенно тяжело

воспринимается вернувшимися из стран Балтии. Да и местные жители, как показал опыт Демиховского вагоностроительного завода в Московской области, куда были приглашены в 1993 г. несколько десятков специалистов Рижского вагоностроительного завода, весьма неоднозначно относятся к своим вернувшимся соотечественникам. Бывшие рижане оказались не только в плохо организованном государстве, но и неожиданно для себя попали в агрессивную социальную среду. Местное население не только не признало их как «своих», но и встретило их весьма враждебно.

Идея плавильного котла («melting pot») была весьма распространённой в англосаксонских демократиях в середине XX века. Согласно этой модели, благом (и для общества в целом, и для самих мигрантов) является максимально быстрое приобщение иммигрантов к системе ценностей, принятых в новом обществе. В настоящее время эта модель устарела: многие страны (в частности, Израиль) фактически взяли на вооружение другие модели — промежуточные между плавильным котлом и полным культурным плюрализмом.

Первая из этих моделей может быть охарактеризована как «временный мультикультурализм». В этой ситуации признаётся временное сохранение иммигрантами культуры стран исхода, однако предполагается, что в обозримой перспективе иммигранты всё же пройдут процесс аккультурации.

Вторая модель — «этнографический мультикультурализм» — допускает сохранение иммигрантами отдельных компонентов идентичности, принятой в странах исхода, при повсеместном принятии основополагающих культурных ориентаций нового общества.

Третья модель, определяемая как состояние «сепаратного плюрализма», не предполагает никакого взаимодействия между различными общинами внутри общества: каждая из них сохраняет свою обособленность и свои специфические черты, не стремясь к конструктивному диалогу с представителями других общин. При этом отсутствует иерархия между культурами различных общин: каждая из них признаётся легитимной, обладающей равными правами в рамках данного социального пространства²³.

В российской диаспоре в прибалтийских государствах можно обнаружить тенденции, характерные для всех трёх указанных моделей. Уже к началу 1990-х годов в странах Балтии возник своеобразный малый интернационал (русские, белорусы, украинцы, евреи, татары и др.), который воспринимался титульным населением в виде обобщённого понятия «русские», материальная и духовная основа которого оказалась в серьёзном несоответствии с мировоззрением народов, живущих испокон веков на этой земле.

Разумеется, не все социальные слои российской диаспоры оказались равно восприимчивыми к произошедшим после распада СССР в их судьбе драматическим переменам. Здесь иммунитет на

стороне представителей седьмой и восьмой групп. С одной стороны, казалось, более высокий культурный и профессиональный уровень, знание языка, толерантность первых четырёх групп создаёт им большой ресурс для преодоления культурных травм. Но с другой — образованность и сопутствующая ей рефлексия, делает людей наиболее восприимчивыми и чувствительными к деструктивным явлениям. Менее статусные группы, не обременённые образованием и общей культурой, оказываются более адаптированными к драматическим событиям в их социальной жизни, они в большей степени обладают навыками преодоления травм. Коллективное чувство вины и коллективное чувство стыда, характерное для представителей первых групп, в меньшей степени свойственно представителям двух последних. Таким образом, культурный шок многих русских в Балтии относится к переживаниям, связанным как с распадом СССР, так и с негативными событиями, происходящими на исторической родине.

В отличие от представителей российской диаспоры на Украине, в среднеазиатских и закавказских республиках, наши соотечественники в Прибалтике все эти события 1990-х годов вынуждены были переживать на фоне несомненных экономических и политических достижений стран проживания. В странах Балтии «ельцинский» образ России воспринимался гораздо острее, чем в России, население которой уже притерпелось. А отсюда ещё один штрих раздвоенности сознания. Одновременно и стремление дистанцироваться от России: «Я — не такой, я — другой», и, наоборот: выразить сострадание, возмущение, стремление защитить её от насмешек и унижений. Эта отличительная черта массового сознания («расколотое сознание») значительной части российской общины заметно осложняла развитие интеграционных процессов. Представителям титульных народов Балтии трудно было понять психологию россиян, переживающих унижение своего ещё совсем недавно великого государства и народа. Их реакция — очень редко сочувствие, а чаще — злорадство как компенсация за своё былое унижение. В этом смысле прошлое не отпускает всех. Для значительной части тех и других Советский Союз продолжает активно присутствовать в сознании, занимая в нём особое место, только у одних в виде уютного и безопасного жилища, а у других в виде зловещей казармы.

Российская диаспора и Россия

Положение любой диаспоры во многом определяется международным авторитетом её исторической родины. Негативный образ России, сложившийся в 1990-е годы в мировом общественном мнении, конечно же, осложняет положение русской общины. Её представители остро ощущают это на себе. Впрочем, среди них есть и те, которых вполне устраивает низкий статус исторической родины. Это занятые в теневом бизнесе, процент которого, по данным не-

зависимых экспертов, в 2000 году составлял в странах Балтии от 15–17% в Литве и Эстонии до 22–25% в Латвии от общего объёма экономики (в России масштабы теневой экономики оценивались тогда в 60–65%)²⁴. Балтийскому криминалитету даже выгоден образ России как коррумпированного, мафиозного государства. Это позволяет легче осуществлять не вполне чистые сделки с аналогичными контрагентами с российской стороны.

К середине 1990-х годов в России сложились влиятельные группировки (и, прежде всего, в теневой экономике), ориентированные на ту или иную республику. Именно узкие, корпоративные интересы этих группировок очень часто и определяли политические акценты в отношениях с этими республиками в 1990-е годы.

Законы свободного рынка порождали и ещё более обидные парадоксы. Крупный русский бизнес в странах Балтии предпочитает решать свои вопросы через праворадикальные партии. Ведущие российские фирмы, такие, как «ЛУКОЙЛ», «Газпром», «Кришинефтеоргсинтез» и др. без колебаний вступали в партнёрские отношения даже с самыми крайними националистическими политиками Балтии, если это приносило экономическую выгоду. Более того, русский бизнес в странах Балтии обычно уклоняется от какой-либо помощи русской культуре. Проекты, связанные с её развитием, гораздо чаще поддерживаются, как это не парадоксально, предпринимателями титульных этносов.

Не менее удивительно, что русофобия и самый агрессивный национализм в балтийских республиках нередко подпитывается русскими деньгами. Так, на парламентских выборах в Латвии в 1998 г. в финансировании избирательной кампании партии «Тевземей ун Бривибай» («Отечеству и свободе») активно участвовали те латвийские банки, которые являются собственностью этнических русских. А ведь именно эта радикально-националистическая партия является инициатором большинства дискриминационных законодательных актов в Сейме Латвии²⁵.

Под этим углом зрения, видимо, следует рассматривать и правозащитную риторику в некоторых СМИ как стран Балтии, так и России. Или возникающие время от времени различные этнополитические эксцессы, происходящие в странах Балтии и вызывающие бурную реакцию российских государственных структур. Часто газетная шумиха и грозные резолюции Государственной Думы были ни чем иным, как удачно пролоббированным средством давления российских финансово-промышленных группировок на своих балтийских партнёров по бизнесу. А вся гневная патетика политических функционеров, сопровождаемая соответствующей кампанией в СМИ, по защите прав соотечественников, нередко, к сожалению, не более чем средство кому-то нажать.

Патриотические декларации как надёжное прикрытие умело использовали нефтяные, газовые,

металлургические и другие группировки нынешней России, имеющие своих лоббистов в высших органах государственной власти. И почти за каждым случаем осложнения межгосударственных отношений России с её прибалтийскими соседями стояли чьи-то конкретные меркантильные интересы. Таким образом, наша диаспора в государствах Балтии для нынешнего российского олигархического капитала служила или разменной монетой, или орудием политического шантажа. **Её подлинные интересы в прошедшие восемнадцать лет никого во властных структурах России по-настоящему не волновали.** Разумеется, лучше других это почувствовали сами представители российской общины. Уже к середине 1990-х годов для этих людей стало окончательно ясно, что России не до них, что нужно рассчитывать только на самих себя. Пришедшей к власти новой номенклатуре до сих пор тоже не было никакого дела. «Внешнеполитические вопросы для абсолютного большинства политической верхушки России, — справедливо замечает Н. Косолапов, — оставались в то время далеко, на заднем плане по сравнению с завоеванием личных и групповых мест в складывающейся новой структуре общественных и властных отношений»²⁶. Внутренняя политика российского руководства в 1990-х годах была направлена на уход государства от ответственности за жизнеобеспечение пенсионеров, инвалидов и всех других малоимущих социальных групп, т.е. на избавление от «социального балласта». В этой ситуации проявление реальной заботы о жителях других государств, пусть даже русских по этнической принадлежности, представляется, по крайней мере, маловероятным. Этот вывод давно сделали русские в Балтии.

Более того, они убедились, что реальную помощь скорее можно получить от местных органов власти, чем из России. Так, на протяжении нескольких первых лет независимости Эстонии Русский культурный Центр в Таллинне (бывший гарнизонный Дом офицеров), ставший собственностью коллектива военных отставников, часто посещали различные высокопоставленные чиновники из России. Все они не скупились на щедрые посулы найти необходимые средства для ремонта здания Центра, но никто из них своего обещания не выполнил. А кончилось тем, что деньги на ремонт Русского культурного Центра выделили эстонцы — Таллиннский городской совет. Эстонская сторона оплачивала и задолженности за электроэнергию соседнему российскому Иван-городу. Подобных примеров можно привести немало. К этому можно добавить и то, что не только Россия оказывает значительно меньшую помощь российской диаспоре, чем страны Балтии, но и латвийские, литовские и эстонские предприниматели проявляют гораздо больше заинтересованности в финансировании культурных, научных и образовательных проектов, направленных на развитие связей между Россией и странами Балтии. В лучшем случае русский бизнес в Балтии

может долго обещать, всячески тянуть, выставлять всё новые и новые условия для оформления спонсорской поддержки, и, наконец, после длительных раздумий отказать. Это относится и к таким мощным и преуспевающим компаниям как латвийское отделение «Лукойла», литовская «Вигонда», Балтийский судоремонтный завод в Таллинне.

Две политические мифологии

Жизнь титульного населения и российской общины протекает чаще всего в различных социальных сферах и полноценные контакты между представителями обеих этнических групп относительно редки, поэтому через СМИ происходит существенная часть процесса формирования взаимных представлений и установок у обоих сообществ. В первые годы независимости энергию ложных стереотипов, возбуждённую масс-медиа с обеих сторон, умело использовали крайние национал-радикалы для давления на руководство республик. Известный в Латвии публицист и политический деятель Б. Цилевич считает, что в первые годы независимости официальная государственная стратегия строилась и популяризировалась «на наборе мифов, комплексов, очевидных для непредвзятого глаза несообразностей»²⁷. В качестве примеров он приводит наиболее распространённые.

Первый: «Русские жители Латвии нелояльны, если им дать гражданство — рано или поздно они станут «пятой колонной», и Россия вновь оккупирует Латвию под предлогом защиты этих людей». Устойчивое мнение о врождённой нелояльности русских опровергает эстонский социолог А. Семёнов, посвятивший этому специальное исследование, результаты которого убедительно показали, что проблема «лояльности» неэстонцев является надуманной. Парадокс заключается в том, что респонденты-эстонцы оказались менее законопослушны, чем русские респонденты. Это объясняется более широкими возможностями доступа к информации по законодательству, к участию в общественной и политической жизни, что формирует у эстонской части населения, во-первых, более критическое отношение к государственной власти и, во-вторых, диверсифицирует способы решения возникающих проблем»²⁸.

Миф второй: «Вот выгоним русских — и на всех всего хватит, будем сами хозяевами в своём государстве». Несмотря на то, что русские налогоплательщики пополняют бюджет по тем же самым нормам, что и титульное население, далеко не все русские обладают равными социальными, а, следовательно, и возможностями в потреблении материальных благ, которые имеют представители титульного населения. Следовательно, наоборот, исход русских ухудшит материальное положение титульного населения.

Миф третий о том, что русские опережают титульных в воспроизводстве. Этот последний особенно глубоко укоренился в массовом сознании латышей («нелатыши быстрее размножаются»²⁹). И

если подобная тенденция действительно проявлялась в прошлом, то в течение последних пятнадцати лет происходит обратный процесс. Это подтверждается государственной статистикой. Руководитель департамента труда Министерства благосостояния Э.Витолиньш свидетельствует, что «рождаемость у представителей некоренных национальностей снижалась быстрее, чем у латышей. Ни одна из народностей Латвии, кроме цыган, больше не обеспечивает даже обыкновенную смену поколений». Коэффициент рождаемости у латышей в последние годы составляет примерно 8–9 промилле, в то время как у остального населения — всего лишь 6–7 промилле. Это объясняется территориальным распределением населения республики: латыши преобладают в сельской местности, где традиционно уровень рождаемости выше³⁰.

Миф **четвёртый**, особенно широко использовавшийся в первой половине 1990-х годов о более высокой по сравнению с титульными этносами политической активности русских, и, следовательно, о потенциальной угрозе изменения общегосударственной политики, если всем русским дать возможность участвовать в выборах в парламент. В массовое сознание населения внедрялся тезис о том, что русские, получив значительное представительство в парламентах, тотчас же будут лоббировать вступление страны в СНГ. Нами многократно была уже отмечена политическая пассивность русского населения, когда только третья часть обладающих избирательным правом, пользуется этим правом. А из почти 150 тысяч жителей Балтии, являющихся гражданами России, не более 10% участвуют в выборах Госдумы РФ.

Некритичность восприятия новых мифов как одной, так и другой стороной в значительной мере объясняется существованием двух изолированных информационных пространств. Подобные ложные стереотипы массового сознания становятся питательной средой для эскалации межэтнического противостояния. Особенно это было характерно для периода первых лет независимости стран Балтии.

Не менее развитая мифология доминировала и в 1990-е годы в России. Самый популярный миф — бегство русских из этих стран в Россию. В российских СМИ в 1990-х годах акцентировалось внимание на отъезде русских из стран Балтии. Действительно, к началу 1996 г. из Латвии, где находился штаб Прибалтийского военного округа, выехало около 90 тыс. человек (в 1992 — 30,0 тыс., в 1993 — 19,0 тыс., в 1994 — 13,0 тыс., 1995 — 10,5 тыс.³¹). Но в основном это были военнослужащие и их семьи, которые в полном соответствии с подписанными Россией в 1994 г. межгосударственными соглашениями об условиях вывода российских войск из Латвии, должны были к этому сроку её покинуть. Согласно условиям этого договора, выводу подлежали все военнослужащие, уволившиеся из армии после 28 января 1994 г., и члены их семей. Но в Россию перебралось не более

половины из этого количества, около 20% уехали на Украину, 12% — в Белоруссию, остальные в Германию, Чехию, Финляндию, Канаду, США, Израиль и другие страны³².

Точно так же происходило и в двух других республиках. Некоторым военнослужащим удавалось демобилизоваться до установленного срока, тогда у них появлялась возможность остаться, которой многие сумели воспользоваться. В последующие годы в Россию из стран Балтии не было сколько-нибудь заметной миграции.

Среди славян самыми мобильными оказались украинцы — уехал каждый четвёртый, среди белорусов — каждый шестой, а среди русских — всего лишь каждый десятый. Этот показатель даёт основание части латвийских социологов рассматривать его как своеобразный индикатор чувства идентичности с Латвией среди русского населения республики. Показательны итоги социологического исследования, проведённого в странах Балтии в феврале 1993 года, т.е. в самый пик антироссийских настроений в этом регионе. Жители приграничных русских анклавов в Латвии, Литве и Эстонии должны были высказать своё отношение к идее отделения. За «право русских на отделение» в Даугавпилсе высказалось 4%, в Клайпеде 5%, в Нарве 2% русских респондентов, против — соответственно 67, 60 и 62%³³. То есть, несмотря на все притеснения, русские в странах Балтии присоединение к России считали худшим выходом.

После отъезда военных и их семей никакого оттока русских из стран Балтии (как это случилось во многих других бывших союзных республиках) не было и нет, происходит обычная естественная миграция. Так, из Латвии в Россию ежегодно уезжают не более 0,2% 750-тысячного населения русской диаспоры. Наоборот, возрастает число россиян, стремящихся переехать в страны Балтии на постоянное место жительства. В консульские отделы посольств этих республик в Российской Федерации приходят многочисленные просьбы от тех русских, которые выехали оттуда в начале 1990-х годов с просьбой помочь вернуться.

К политической мифологии следует отнести и внедрённое в массовое сознание россиян тезис об особых гонениях на русский язык в странах Балтии. Это напоминает широкое использование в России избирательного права — когда к одним применяются законодательные санкции, а к другим (к своим) — нет. Ущемление русского языка после распада СССР произошло во всех без исключения национальных республиках. При этом наибольшие потери в этом плане были не в Прибалтике, а на Украине, в Азербайджане, Казахстане, среднеазиатских республиках, и, как это ни парадоксально, в самой России — в бывших автономных республиках СССР. О дискриминации русского населения в Башкирии, Татарии, Туве, Якутии свидетельствуют многочисленные исследования, в том числе проф. Л.М.Дробижевой³⁴. Но подобная

информация не становится достоянием широкой общественности.

Сложившаяся в массовом сознании титульных этносов мифология долгое время являлась серьёзным препятствием для общественной консолидации. Её умело использовали национал-радикальные политики. В то же время прагматически настроенная часть политического истеблишмента искала пути интеграции нетитульного населения в новых условиях. Осознание реальности проблем мультиэтнического государства и поиск путей консолидации общества были присущи наиболее дальновидным политикам Балтии. Так, рассчитанная на «дальний прицел» идея сделать русских жителей Балтии не только лояльными, но и патриотически настроенными к новой стране принадлежит эстонскому социологу Э.Сависаару, ставшему первым премьер-министром независимой Эстонии. Он уже в 1992 г. предложил программу повышения жизненного уровня жителей Северо-Востока Эстонии (Ida-Virumaa), где население в основном состоит из компактно проживающих русских³⁵. Стратегический расчёт этой программы состоял в том, что, если население Северо-Востока будет иметь более высокий жизненный уровень, чем население остальной Эстонии, то есть, если русские станут экономически благополучнее самих эстонцев, то никаких проблем не будет не только с лояльностью «инородцев», более того, у них появится сильная мотивация беречь и защищать свою новую родину. Но для национал-радикалов, составлявших тогда большинство в Государственном собрании (парламенте) подобные политические стратегии были слишком тонкими и необычными, а автор этой программы, по своему происхождению наполовину русский, всегда настораживал и раздражал их превосходством своего интеллекта. И праворадикальное крыло политической элиты, естественно, не могло принять даже самую мысль о том, что русские в Эстонии могут жить лучше, чем эстонцы.

Условия межэтнического диалога

Политическая программа эстонской партии центристов исходит из того, что народам, живущим на одной территории прежде всего необходимо идти к достижению взаимопонимания, признав, что существует только эта реальность и никакая иная невозможна. Это и есть первое условие диалога. Социальное напряжение возрастает там, где это условие отсутствует. Многие исследователи, представляющие титульные народы Балтии, считают, что русскоязычное сообщество в целом проявляло значительно больший уровень межнациональной терпимости и готовности к жизни в многокультурном окружении, чем титульная часть населения³⁶.

В нынешней Прибалтике популярна упрощённая схема того, как менялось взаимное восприятие двух основных общин. Что в идеале хотел бы лимитчик при советской власти, скажем, в Латвии? Чтобы всё

было так, как есть, но только лучше вообще без латышей. С чем, естественно, латыши категорически не могли согласиться. Чего в идеале ожидал латышский хуторянин при советской власти? Чтобы Латвия была самостоятельной, а все русские вернулись в Россию. С чем последние были также не согласны, хотя и не с такой абсолютной категоричностью. Как это выглядит теперь, после распада СССР? В идеале русские хотели бы получить равноправие во всём: в политической жизни, в работе в государственных учреждениях, а также государственного двуязычия и т.п. В идеале латыши видели превращение своей страны в монокультурное и моноэтническое государство, что должно быть достигнуто эмиграцией несогласных русских и ассимиляцией согласных. Вот на этом психологическом пространстве между крайними ожиданиями и стремлениями постепенно развивался процесс смягчения взаимного восприятия. И уже ко второй половине 1990-х годов обе стороны в той или иной мере признавали целый ряд важных *исходных моментов*, являющихся основой для поиска компромиссов. В числе этих моментов можно выделить следующие: русские в Балтии — не просто община, но малая часть великого народа, и не просто великого народа, а народа огромного соседнего государства (в отличие, например, от китайской общины в США). У латышей другой родины, кроме Латвии, нет. Если завтра Латвия станет идеально демократическим государством с полным равенством всех здесь проживающих, то послезавтра здесь окажется ещё несколько десятков тысяч россиян, в первую очередь из неблагополучных регионов и «горячих точек» России.

Есть и другие в той или иной мере общепризнанные исходные моменты. По сравнению с титульными этносами русские — психологически более устойчивая нация. В опубликованных в 2008 году результатах исследования, проведённого в связи с экономическим кризисом по проблемам трудовой занятости в Эстонии, социологи приводят сравнительные данные об иммунитете различных групп населения к экономической депривации. Выяснилось, что быстрее приходят в отчаяние эстонцы. Жалобы и упреки на горькую судьбу, присущие русским — своеобразная защитная реакция. Они жалуются как бы впрок, с запасом, на всякий случай. И когда действительно становится плохо, когда пришла беда, то отворяют ворота и смотрят с искренним любопытством. А обращаясь к окружающим: «Я же говорил, я же знал!», — получают даже определённое удовлетворение. В отличие от русского эстонец ничего плохого от судьбы не ждёт. Он как истинный индивидуалист верит в себя, а также в свою семью, в ЕС и НАТО, в работодателя. Он не перекладывает на них принятие важных решений, но всегда ощущает их в качестве общественной основы своего индивидуалитета. И когда что-то в этой системе не срабатывает, легко впадает в панику. Поэтому 73% эстонцев отчаиваются очень быстро. А вот среди русских таких всего 28%³⁷.

Русские имеют несравненно более мощную культуру, интеллектуальный и творческий потенциал, более сильную энергетику и генетическую адаптивность. И латыши, и эстонцы жалуются, что если в латышском или эстонском детском саду появляются русские дети, то вскоре все остальные дети переходят на русский язык. Русским детям свойственна большая активность, живость, они более склонны к лидерству в коллективах.

Наконец, русский язык содержит значительно больший лексический тезаурус по сравнению с языками балтийских народов, кроме того, это язык, имеющий (наряду с английским) более широкое хождение в науке, бизнесе, быту. Практика показывает, что международный статус русского языка не только не падает, но имеет заметную тенденцию к усилению.

Ещё одним важным исходным моментом, который признан представителями обеих общин теперь уже в равной мере, это тот факт, что русские отсюда не уедут в Россию и при самых неблагоприятных для них обстоятельствах. Даже те русские, которые приехали в Балтию в 1980-е годы, то есть мигранты последней волны, прожив в Балтии 20 и более лет, уже психологически не способны к возвращению, они теперь не смогут жить в России. Вхождение россиянина, прожившего длительное время в Прибалтике, в сегодняшнюю российскую действительность требует ломки привычных представлений и долгого процесса адаптации к иному государству, организации производства, правовой защищённости, наконец, бытовым условиям. Существующие здесь глубокие контрасты тяжело переносятся вернувшимися из стран Балтии в Россию.

Примерно к 1996 году в массовом сознании российской общины стало господствовать более реалистическое представление о происходящих переменах, как в Балтии, так и в России. И к тому времени представители нашей общины понемногу стали адаптироваться к изменяющейся социально-политической среде³⁸.

Даже мигранты последней волны (1970–1980-е годы) приспособились к новым условиям, у них появился свой быт, не такой, как, скажем, у эстонцев или латышей, но уже и не сравнимый с тем, что было раньше, до переезда из российской провинции. К 2005 году в странах Балтии сформировалась многонациональная, но в целом достаточно единая российская община, характеризующаяся коллективной установкой: она научилась, с одной стороны, чересчур активно не выступать против государственного законодательства и политических институтов, а с другой — считаться с фактом их существования не в полной мере. В этом смысле больших различий в стратегии социального поведения между русскими в Балтии и русскими в России нет. Другими словами, наши соотечественники везде привычно осуществляют тот самый психологический механизм самозащиты, к которому их приучили во времена тоталитарного

режима, — социально-психологический рестрикционизм, в практической реализации которого русский этнос в XX веке достиг очень больших высот. Это приносит свои плоды. И культурная ориентация русской общины существенно изменилась. Доминирующее направление культурных предпочтений лежит через Балтику в Западную Европу, США и Канаду. Но, главное, русские жители в странах Балтии по мере адаптации к новым условиям всё больше отдаляются от русских жителей России в ценностных ориентациях.

Протестную тематику в русскоязычных медиа-каналах постепенно стали вытеснять адаптационные мотивы, поиски межэтнического консенсуса. Так, к началу 2000-х годов в русскоязычных СМИ заметно возрос интерес к проблемам включённости русских жителей Балтии в новое общество. Да и национал-радикальные лидеры стран Балтии стали осознавать, что русские в Россию не вернуться, и необходимо искать формы совместного проживания, социальной консолидации общества. К тому же обретенная к этому времени стабилизация государственности создала у титульного населения чувство безопасности. Поэтому, начиная с 1998 года, — именно тогда был принят первый официальный документ, посвящённый интеграции неэстонцев, — интеграция декларировалась в качестве основного направления внутренней политики. Но в качестве побудительного мотива для оформления этой политики в официальные государственные программы явилась позиция Европейского Союза. Европейской комиссией в связи с заявлениями Латвии и Эстонии о вступлении в ЕС (1997 г.) обоим государствам было рекомендовано способствовать интеграции нетитульного населения. Первые официальные интеграционные документы принимаются в Эстонии уже в 1998 г, а в Латвии — в 1999 г. Идея интеграции сразу была подхвачена балтийскими масс-медиа.

В том, что спустя 10–12 лет после обретения независимости в странах Балтии межэтническая напряжённость постепенно спадала, происходила взаимоадаптация двух основных общин в новых, постсоветских условиях, была определённая логика. Обе стороны осознали реальность произошедшего, зафиксировали свои позиции, признали несбыточность радикальных надежд. Латыши и эстонцы отказались от мечты о мононациональном государстве, а русские освоили новую социальную роль — роль национального меньшинства, незнакомую и непривычную для многомиллионного этноса. Разумеется, это не исключало отдельных эпизодов враждебности, провокационных демаршей со стороны этнических экстремистов, но в целом процесс общественно-политической стабилизации в странах Балтии был очевиден. Особенно на фоне экономических успехов этих стран и их приёма в Евросоюз в мае 2004 года, на что положительно отреагировало не только титульное население, но и значительная часть российской

диаспоры. В результате даже у неграждан, ставших теперь уже жителями объединённой Европы, появились новые возможности. Увеличившийся поток денег из различных евросоюзных фондов в страны Балтии также в немалой степени этому способствовал. Интенсивно развивающееся потребительское общество стало понемногу «забывать» об межэтнических проблемах.

Новая волна межэтнического противостояния в Латвии и Эстонии

После нарастающей взаимной толерантности периода 1996–2004 годов межэтническое напряжение вновь возникло. Это случилось всего несколько месяцев спустя после вступления стран Балтии в ЕС. Возможно, факт вхождения в ЕС, «развязывал руки» национально ориентированным политикам: теперь не нужно было опасаться реакции либеральной Европы.

Бурные уличные протесты русскоговорящей части населения возникли в 2005 году, когда в Латвии попытались реализовать принятый ранее закон о переводе обучения в русских школах на новое соотношение русского и латышского языков: вместо существующего соотношения преподавания школьных предметов в объёме 60% по-русски и 40% по-латышски, устанавливалась новая пропорция: 40% по-русски и 60% по-латышски. Тогда всё закончилось вынужденным компромиссом — практическое решение оставили на усмотрение самих школ. Тем не менее внутривнутриполитическая ситуация в Латвии была накалена. Но окончательно складывающуюся благоприятную ситуацию взорвало массовое побоище в Таллинне в ночь на 26 апреля 2007 года, получившее название «Бронзовой ночи». Так как это событие наложило отпечаток на внутривнутриполитическую атмосферу во всех трёх республиках и получило широкий резонанс в России, оно заслуживает подробного анализа.

Пришедшие к власти в середине 1990-х гг. национал-радикалы во главе с Мартом Лааром — лидером партии «Исамаалит» — предприняли попытки переноса памятника, которые произвели тогда некий шум в СМИ. Бронзовый солдат устоял. Может быть, потому, что автором памятника был почитаемый в Эстонии талантливый скульптор Энн Роос, который создал не традиционный величественный монумент-триумф, а по-человечески сочувственный образ уставшего от войны простого солдата, в чертах лица которого легко угадывается эстонский этнотип*. В скорбной фигуре склонившего обнажённую голову солдата скульптор сумел передать боль человека, вернувшегося после войны на свою многострадальную родину, в которой одна часть его земляков сражалась на стороне СССР, а вторая — на стороне Германии. И слова на постаменте точно соответствовали замыслу: «Павшим во Второй мировой войне».

Ежегодно 9 мая к памятнику приходили люди, в основном русские, но и эстонцы тоже. Горожане приносили цветы и поминальные свечи, не было ни-

каких эксцессов, и это стало для города привычным ритуалом. Так было до 2005 года, когда широкое празднование 60-летия Победы вызвало в странах Балтии волны противоречивых эмоций вокруг этой даты. Для одних это была Великая отечественная, потребовавшая миллионов жертв и коснувшаяся практически каждой семьи, а для других — Вторая мировая война, в которой Советский Союз в течение почти двух лет был союзником гитлеровской Германии. Резко возросший масштаб этого праздника не мог не задевать чувств представителей титульных этносов, у которых не было эквивалентного повода продемонстрировать подобный массовый порыв: в Риге, в Вильнюсе, до сих пор нет ни места, ни даты для этого. В Таллине такое место появилось: в сентябре 2009 г. на площади Свободы был воздвигнут стеклянный монумент — Крест Свободы. Многочисленные скопления русскоязычных, пришедших в центр Таллинна 9 мая 2005 года, создали определённое напряжение, чем умело воспользовались национал-радикальные политики. В масс-медиа была развёрнута широкая дискуссия о том, что обряд поминовения павших не совместим с суетой, что праздничная толпа затрудняет движение городского транспорта, провоцирует экстремистские выходки и о том, что центр города не должен быть местом для захоронений. При этом мэр Таллинна Э.Сависаар, лидер партии центристов, заявил, что городские власти не будут переносить памятник. «Не нужно повторять ошибок коммунистов, — остудил он национал-радикалов. — Когда они снесли дом, в котором был убит последний русский царь и его семья, это место стало ещё более святым для народа»³⁹. Его слова произвели впечатление на эстонскую часть населения, тем более что отрицательный пример был взят из России. Без преувеличения можно сказать, что в 2006 году ситуация вокруг памятника была в центре общественного интереса, напоминая активную дискуссию 1992/1993 гг. в России о судьбе Мавзолея В.И.Ленина на Красной площади. По заказу агентства BNS социологической фирмой Faktum & Arike проведён опрос жителей Эстонии: среди эстонцев за перенос памятника высказалось 53% и 29% против, 18% не имели своего мнения по этому вопросу. Среди русскоязычных 74% высказались против переноса, 16% — за, и 10% не определились. Среди наиболее заинтересованных респондентов — жителей Таллинна — 51% считали, что памятник должен оставаться на месте, 37%, что его следует перенести, и 19% горожан не определили своей позиции⁴⁰. Глава русской православной церкви в Эстонии митрополит Корнилий в одном из интервью отметил, что движение городского транспорта над человеческими захоронениями противоречит христианским канонам. Осенью 2006 года был организован круглый стол при Таллинском городском собрании, куда были приглашены представители всех политических партий и общественных организаций, в том числе и ветераны СС, для выработки общей позиции по поводу памятника.

В феврале 2007 г. эстонский парламент по инициативе партии реформистов принял «Закон о защите исторических памятников», который создавал правовую основу для переноса памятника. Закон прошёл 46-ю голосами против 44-х. Он не должен был пройти, но двое русских депутатов — Татьяна Муравьёва и Сергей Иванов в этот день не участвовали (!) в работе парламента. Принятие этого закона было несомненным достижением реформистов и обеспечило им дополнительные голоса на предстоящих через несколько дней мартовских выборах в парламент. Успешно проведённая антироссийская инициатива добавила им голосов из электората крайне националистической партии «Исамаалит». До этого реформисты, по данным опросов, решительно проигрывали центристам. В выборах приняли участие три русские партии, ни одна из которых, согласно опросам, не имели никаких шансов преодолеть 5%-ный барьер, но, тем не менее, они участвовали в парламентских выборах. Возникает вопрос — зачем? Так и произошло, даже в сумме три эти партии получили менее 2,4% голосов. Они не прошли, но отобрали голоса у центристов и лишили их победы. Партии Э.Сависаара не хватило всего 9 тыс. голосов избирателей, чтобы опередить реформистов и получить право формировать правительство.

Следовательно, создав межэтнический кризис, выиграли реформисты, и, прежде всего, А.Ансип, который обеспечил себе кресло премьер-министра.

В феврале-марте 2007 г. в разгар борьбы вокруг Бронзового солдата в России происходит перенос памятника генералу Доватору в Новочеркасске и снос памятника советским лётчикам — защитникам неба Москвы в 1941 году в подмосковных Химках, затем после возмущения ветеранов войны оформленный как перенос. Эстонские праворадикальные масс-медиа оперативно и подробно освещают эти события. Глава администрации г. Химки В.Стрельченко не ограничивается этим «подарком» эстонским национал-радикалам. Он объясняет перенос памятника тем, что расположенный рядом с автомагистралью Москва — Санкт-Петербург, он стал местом сбора жриц любви, обслуживающих водителей-дальнобойщиков. Премьер-министр Эстонии А.Ансип в многочисленных интервью западным СМИ умело обыгрывал этот курьёз. Набор ляпсусов дополнил российский посол в Эстонии Н.Успенский, который посетовал на преувеличенное внимание эстонских масс-медиа к событиям в Химках и пообещал, что в супермаркете, построенном на месте памятника лётчикам, будут продаваться эстонские товары. Всего лишь за три дня до этого первый вице-премьер РФ С.Иванов, выражая позицию правительства РФ в связи с попытками правительства ЭР перенести Бронзового солдата, категорически запретил продажу в России эстонских товаров.

К этому ряду нужно добавить блокирование Посольства Эстонии прокремлёвской молодёжной организацией «Наши», что является нарушением Венской

конвенции. Создавать помехи для работы иностранных миссий, а тем более блокировать их никогда не позволяли себе ни Московская Русь, ни Российская империя, ни Советский Союз. Эти и другие подобные эпизоды, происходившие в России в период событий, связанных с Бронзовым солдатом весной 2007 года, в значительной мере подогрели антироссийские настроения в Эстонии. Можно согласиться с теми эстонскими журналистами, которые считают, что «русские своими руками перенесли Бронзового солдата»⁴¹. Русский политолог Александр Астров, выпустивший по горячим следам книгу, посвящённую событиям «бронзовой ночи», пишет в ней о своей «злости на Россию, которая своими действиями только способствовала такому повороту событий»⁴².

Страсти вокруг Бронзового солдата в свою очередь разогрели и антиэстонские настроения в России. Победа 1945 года — то небольшое, а, возможно, и единственное, что способно сегодня объединить великую нацию. Покушение на эту святыню, посягательство на то, чем народ вправе гордиться, вызывает легко предсказуемую реакцию у россиян. И эстонская общественность, и даже национал-радикальные политики, скорее всего, это понимали. Но другая реальность заключается в том, что Эстония — независимое государство. И сама решает, где должны находиться те или иные памятники на её территории.

Как всё это произошло? Почему памятник был перенесён вопреки публичному обещанию А.Ансипа не трогать его до 9 мая? Тем более, что в конце февраля 2007 года вышеупомянутым круглым столом при Таллинском горсобрании был выработан документ, предусматривающий перенос памятника на Военное кладбище после дня Победы, в июне 2007 года, с чем согласились даже ветераны Великой отечественной войны.

Подоплёка событий «бронзовой ночи» не стала менее загадочной даже по прошествии двух лет и недавно закончившегося судебного разбирательства. В результате полуторагодичного уголовного процесса все подозреваемые в организации беспорядков были оправданы. В связи с этим высказывается предположение, что если власть не нашла организаторов, то, может быть, она и есть организатор? Загадки побоища бронзовой ночи удивительно напоминают крушение парома «Эстония» в октябре 2002 года, обстоятельства и причины которого неизвестны до сих пор.

Многие наблюдатели в Европе были удивлены тем, что в Эстонии, справедливо гордившейся традицией ненасильственных действий, могло произойти столь постыдное событие, как «бронзовая ночь», когда толпы протестующих были подвергнуты физической расправе со стороны полиции. Сегодня аналитики ищут ответ на сакраментальный вопрос: «Кому это было выгодно?» Возможно, Эстония оказалась жертвой столкновения геополитических сил. Ещё более вероятно, что истоки события лежат не в

области объективного, а субъективного. Тем более, что как профессиональный партийный функционер Андрус Ансип ничего нового не продемонстрировал. Ещё в советское время, в феврале 1990 года, будучи одним из руководителей Тартуского горкома компартии, он так же ревностно выполнял указания из Москвы по разгону студенческой демонстрации, посвящённой 70-летию Тартуского договора, а затем и последующие митинги Народного фронта Эстонии, чего никогда не забудут ныне живущие его лидеры. И тогда тоже были и внутренние войска, и аресты. Правда, в 1990-м году у него не было водомётов, но были милицейские овчарки.

Так или иначе, но проиграло эстонское общество, которое оказалось расколотым по этническому признаку. Эстония как будто вернулась на 15 лет назад. И этот кризис, возможно, если и не окончательно закрыл вопрос об интеграции, то на долгие годы отложил эту перспективу. Кризис в Эстонии оказал огромное влияние на соседнюю Латвию. В этих странах он приблизил фактическое оформление двухобщинности.

Проиграла и российская диаспора Эстонии, и, следовательно, Россия. Памятник был перенесён вопреки, даже, можно сказать, подчеркнуто вопреки её позиции. А представители российской диаспоры в те дни испытали болевой шок, усиленный стыдом за нескончаемую череду ошибок российских политиков. Так, глава делегации российских парламентариев Н.Ковалёв перед визитом в Таллинн публично высказал пожелание отставки премьер-министра А.Ансипа. В тот момент не только русские, но и эстонцы глубоко переживали драму «бронзовой ночи». Ничего подобного не было в истории этого мирного и достаточно толерантного народа. Авторитет инициатора этой бойни резко упал. Некоторые аналитики считают, что А.Ансип «висел на волоске», отставка премьер-министра казалась решённой. Заявление российского парламентария его спасло. Политическая бестактность, допущенная официальным лицом чужого государства кардинально поменяла общественную атмосферу. Слова депутата Госдумы РФ задели самолюбие эстонцев, они были восприняты как оскорбление независимого государства. Реакция была естественной: нация сплотилась вокруг своего лидера. Эстонцы вспомнили, что последний раз в современной истории аналогичный эпизод был зафиксирован в 1936 году, когда небезызвестный канцлер Германской империи советовал уйти в отставку президенту Австрии.

Исторические перспективы диаспоры

Разразившийся в конце 2008 года экономический кризис отодвинул межэтнические проблемы на второй план, но становление мультикультурного общества стало гораздо более недостижимой целью, чем два-три года тому назад.

В настоящее время уровень жизни российской общины в целом ниже жизненного уровня титульного

населения. Но экономическое благополучие русскоязычных здесь будет возрастать и в ближайшие 8–10 лет в среднем существенно превысит экономическое благополучие титульных народов. Этот своеобразный социальный детерминизм характерен для современных глобальных процессов. «Поиски безопасности, обеспеченности вызывают у оторванного от корней переселенца повышенное стремление к успеху, к личным достижениям, — пишет Г.Померанц. — Чужак становится проводником идеологии успеха, необходимой для экономического развития.... Будет ли он торговцем или производителем, всё равно, — чуждость своему окружению, во многом тяжёлая, одновременно открывает ему (как оборотная сторона медали) и такие возможности, которых лишены люди окружающего общества, подчинённые господствующим традициям и нормам. Чужаки приспособляются к новому окружению, не подчиняясь ему, а, развивая способности, которых на новой родине не хватает, дополняя сложившееся разделение труда. У себя, на старой родине, они могли бы быть не очень предприимчивы, могли безоговорочно подчиняться традиции. На новой родине они ведут себя иначе»⁴³.

Данную общемировую тенденцию можно проиллюстрировать на примере одной из наиболее мультикультурных стран Европы — Великобритании. Если первая волна иммигрантов в послевоенные годы из Индии и Пакистана состояла из малограмотных или вовсе неграмотных, бравшихся за любую работу, то сегодня положение совершенно иное. Профессор С.Пич из Оксфордского университета в 1994 г опубликовал работу «Этнический состав населения Великобритании по переписи 1991 г.». Судя по данным переписи, выходцы из Индии и Пакистана являются статистически наиболее преуспевающей и социально жизнеспособной этнической прослойкой среди населения этого государства.

Национал-радикалы в странах Балтии, усердствовали в 1990-х годах, создавая давление на русских. Но их расчёты не оправдались: русские готовы были терпеть лишения, но только не возвращаться в ельцинскую Россию.

В этой связи можно привести оценку, данную тогдашним владельцем самого крупного банка Латвии «Parex» А.Каргиным: «Бизнес здесь контролируется в основном евреями и русскими, а не латышами, и это бесит латышей, хотя виноваты они частично сами. Русских и евреев здесь выталкивали из государственной службы, и они вынуждены были идти в бизнес — как брошенный в воду ребёнок вынужден начать плавать. Здесь складывается ситуация, когда власть — в руках латышей, а экономика — нелатышей, как в Малайзии»⁴⁴.

Гонимые, или притесняемые этносы, как показывает исторический опыт, приобретают дополнительные качества для выживания в неблагоприятной среде, что часто даёт им несомненные преимущества перед коренным населением.

Новый субэтнос «еврорусские»

В странах Балтии уже сегодня начинает входить в активную социальную жизнь новое поколение русских, потомки тех самых «поздних мигрантов» 1970–1980-х годов. Многие из них никогда не видели своей исторической родины. Этим молодым людям гораздо ближе Стокгольм или Франкфурт-на-Майне, чем Москва или Нижний Новгород. Для них гораздо важнее утвердиться в социально-экономической, а не в политической жизни. Получив гражданство, они отнюдь не торопятся к избирательным урнам, что, естественно, вызывает законную досаду лидеров русских партий в Эстонии и левоцентристских партий в Латвии. (Как показывает практика, не более 30–35% получивших гражданство наших соотечественников реализуют свои политические права, участвуя в голосовании)⁴⁵. Правда, ещё большую досаду они испытывают от стойкого нежелания многих русских, особенно из старших возрастных групп, получать это гражданство.

Молодые русские в Балтии отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. Возрастная группа до 30 лет в странах Балтии резко контрастирует с представителями старших возрастных групп российской диаспоры. Как правило, они владеют не только языком титульного населения, но и английским языком.

Молодые русские с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь, и были поставлены в условия жёсткой борьбы за выживание. «Большая часть нашей молодёжи, — отмечает в статье «Интеграция по-европейски» таллиннская журналистка Л. Семёнова, — постепенно и как-то совсем незаметно, зачастую вопреки расхожему мнению, интегрируется в эстонское общество посредством языка, поэтому их будущее в Эстонии можно считать более-менее определённым»⁴⁶. Многие из них успешно освоили торговлю, банковское дело, финансовые операции, завели деловые контакты на Западе. В отношениях со сверстниками титульных наций молодые русские чаще стремятся к поиску компромиссов. Они представляют тот самый амбивалентный слой, о формировании и расширении которого шла речь в начале этого раздела. Здесь их называют «еврорусскими», а местные социологи проявляют возрастающий интерес к этому социальному феномену. Отношение титульного населения к молодому поколению русских более благоприятное, что поднимает и авторитет русской общины в целом.

У молодых русских выше, чем у представителей других возрастных групп, и оценка общей социальной ситуации, и оценка своего места в социуме. Молодой русский житель Балтии это уже не тот русский, родители или деды которого 25 или более лет назад приехали туда из Псковской или какой-нибудь другой области Советского Союза. Это горожанин, с детских лет усвоивший поведенческие и интеллектуальные навыки своей среды, таких, например, городов, как Вильнюс, Рига или Таллинн. Для родственников из

псковской деревни это уже чужой человек. Для них он не настоящий, неправильный русский. Но в то же время это и не литовец, латыш или эстонец в той мере, в какой таковыми являются местные литовцы, латыши и эстонцы. Существенная часть его персонального опыта — в силу влияния родителей и этнического сообщества (общины), в силу враждебности со стороны местных национал-радикалов кардинально отличается от опыта его сверстников из титульного сообщества. **То есть молодой житель Балтийского региона представляет собой новый субэтнос.**

Высокая планка стандартов экономического успеха стимулирует интеграционные стратегии молодых русских, повышает их лояльность и языковую адаптивность. Если титульные больше используют ориентированные на них государственные формы обучения — специальные муниципальные школы с углублённым изучением предмета, курсы, кружки, бесплатные секции и т.п., то русским приходится более интенсивно использовать альтернативные формы — частные школы, наём платных репетиторов и другие, требующие оплаты из собственного кармана. Понятно, что во втором случае мотивация, как правило, выше. Кроме того, русских отличают от титульных взгляды на будущее. Титульные, создав определённый капитал, в полной мере реализуют свои потребительские интересы (комфортное жильё, загородный дом, престижный автомобиль и т.д.), то есть обычный ассортимент западных потребительских ценностей. Они глубже включены в процессы «постмодернистских» жизненных ориентаций, среди них преобладают гедонистические ценности, такие, как приятная и беззаботная жизнь.

Разумеется, и русские стремятся к этому тоже, но всё-таки чаще они предпочитают учёбу и получение хорошей квалификации. Сложилась этническая предпочтительность образовательных ценностей. В нынешней системе образования в странах Балтии точные науки лучше защищены от «этнического протекционизма» чем гуманитарные, так как критерии оценок более строгие, чёткие и наглядные. Не исключено, что родители выбирают те сферы, где у их детей будут максимальные условия для реализации, большая объективность при оценке их способностей. Может быть, в этом и кроются «ментальная предрасположенность» титульных этносов к гуманитарным предметам и успехи русских школьников на математических, физических и химических олимпиадах?

В связи с вступлением в ЕС многие аналитики стран Балтии проявляют обеспокоенность. Ведь специальность инженера в западных странах ценится намного выше, чем дизайнера или менеджера гостиничного хозяйства. Инженер там — штучный товар. В странах Балтии это начали понимать после того, когда в промышленности, строительстве и на транспорте возник острый дефицит технических специалистов в отличие от гуманитариев широкого профиля, которых готовят многочисленные факультеты и отделения в

вузах (их называют здесь «вузы облегчённого типа»), возникшие в последние 10–15 лет.

Молодые русские отличаются меньшей политической активностью ещё и потому, что у них не хватает свободного времени, так как в целом русские значительно больше титульного населения заняты на работе. В этом одна из причин, что среди русской молодёжи людей с высшим образованием меньше, чем среди эстонской⁴⁷. Но молодые русские легче поступают в европейские и американские университеты, успешнее стажироваются в зарубежных фирмах. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, то есть социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку. Другими словами, отождествления себя не с будущностью своего народа, а с социально-экономическими проблемами территории постоянного проживания.

В странах Балтии в настоящее время идёт интенсивный процесс формирования особой этнокультурной группы, особой этнической общности — балтийские русские — со своим менталитетом, со своей субкультурой, более адаптированной к современным глобальным вызовам.

По данным московского Центра исследований русских национальных меньшинств, 62% опрошенных считают, что русские в странах Балтии отличаются от русских в России, ещё 15% считают, что кое в чём отличаются, а кое в чём — нет. И только

10% опрошенных русских жителей Балтии убеждены в том, что никаких различий между русскими в Балтии и в России нет. Тот же опрос показал, что большинство русских в этом регионе в своих воззрениях на внутреннюю жизнь стран проживания не так уж отличаются от титульного населения, подобно франкоязычным канадцам или финляндским шведам⁴⁸. Молодые русские в странах Балтии хотят остаться русскими по языку, по культуре, по своему национальному самосознанию, но вместе с тем быть лояльными гражданами своих стран проживания, представлять их интересы за рубежом, быть интегрированными в местное общество и не чувствовать здесь себя чужеродными элементами. Уровень доходов молодых русских в Эстонии в 1997 году ещё уступал уровню доходов титульной молодёжи, но в Латвии уже превосходил, что в дальнейшем случилось и в Эстонии. Это подтверждают результаты опроса представителей возрастной когорты 1965–1968 годов рождения.

Summary: Russian-speaking population in Baltic states Myths, prejudices and false stereotypes shape relations between Russia and the Baltic States, including complex issues of Russian-speaking population in the region. Authors analyze social structure of Russian-speaking communities, describe its dynamics within 18 years. The article deals with different aspects of ethnic strives in Latvia and Estonia and analyzes position of the Russian government on Russian-speaking diaspora in the region.

Ключевые слова:

Россия, латвия, Эстония, русскоговорящая диаспора.

keywords:

Russia, Latvia, Estonia, Russian-speaking diaspora

1. Национальные и этнические группы в Латвии, Рига, 1996, с.15.
2. С.Исаков. Русские в Эстонии. Таллинн, 1996, с. 7–9.
3. Вторым по численности национальным меньшинством в Эстонии являются украинцы, а динамика их численности здесь является не менее показательной, чем динамика численности русских. В 1934 г. в Эстонии было 92 украинца, в 1959 г. — 5 769, в 1970 г. — 28 086, в 1979 г. — 36 044, в 1989 г. — 48 271, что составляло 3,1% населения республики.
4. Для русских, столетиями проживавших в Прибалтике, интерпретация местной истории приобрела практическое значение только в последней трети XIX века. Основоположителем русско-балтийской историографии принято считать Ю.Ф.Самарина. (См. Journal of Baltic Studies, 1986, vol. XVII, № 4, p.321–328.)
5. Что же касается вопроса о том, когда славяне появились на северо-западных рубежах Руси и вступили в контакт с чудью, то тут абсолютное большинство учёных — и русских, и западных, и даже часть эстонских, причём наиболее авторитетных, разделяет ту позицию, что славяне стали массово селиться здесь ещё в V-VI веках и оказали большое культурное влияние на угро-финнов. См., например, Selirand, Juri. Poliitilseks tehtud muinasteadusest. Looming, 1994, № 6; Tonisson, Evald. Miks ei `voiks ma olla indiaanlane. Looming, 1994, № 6.
6. С начала реформации церкви в России русские старообрядцы стали селиться в Прибалтике. В Литве это восточные районы (Зарасай, южная часть Каунасского края, Алитусский край), в Латвии — Латгалия, в Эстонии — западные берега Чудского озера. Старообрядцы Причудья составляют сейчас самое древнее русское старожильческое население в Эстонии.
7. Предыстория русской общины в Эстонии 1920–1930-х годах — это трагедия белой Северо-западной армии в 1919–1920 гг. Подробно этот период описывается в коллективной монографии «Интервенция на северо-западе России», С-Петербург, 1996 г. и в книге А.В.Смолина «Белое движение на северо-западе России», М., 1999. О

- заинтересованном отношении титульного населения к событиям гражданской войны в этом регионе России свидетельствует успех фильма эстонских кинематографистов «Имена на граните», вышедший осенью 2002 г.
8. См.: A. Tvauri. Muinas-Tartu. Uurimus Tartu muinaslinnuse ja asula asustusloost. Tartu-Tallinn, 2001, lk. 219–220.
 9. Б.Цилевич. Время жёстких решений. Рига, 1993, с.271.
 10. «Только в Тарту мог состояться как великий учёный Юрий Лотман, в Питере его бы заклевали, не дали бы жить» (В.Война. Слезы Эстонии.//Новое время, № 17–18, 2005, с. 38.
 11. Эстония, 12 сентября 2002 г.
 12. Радуга, Таллинн, № 4, 1993 г., с.19.
 13. Эстония: столичные жители: материалы социологических опросов жителей Таллинна в 1974 и 1991 гг. Ред. Ю.В.Арутюнян. М., 1995.
 14. В отличие от Молдавии и мусульманских республик Советского Союза, где русскую диаспору составляли, в основном, представители интеллигенции и высококвалифицированные рабочие.
 15. Е.Фишкина. Есть ли будущее у русской культуры в Эстонии?/Русские в Эстонии. Таллинн, 2000, с.180.
 16. В.Пароль. Особенности межэтнической ситуации в Эстонии и основные пути её нормализации./Русские в Эстонии. Таллинн, 2000, с. 34.
 17. И.Апине. Изменение идентичности русских в современной Латвии//Социологические исследования, № 10, 2006, с. 68–69.
 18. В Скандинавии образовательная система нацеливает своих граждан на получение высококвалифицированных специальностей, а заниматься обслуживанием своих же сограждан считается малопривлекательным занятием. Поэтому здесь остро не хватает продавцов, уборщиц, горничных, нянь, сиделок, медсестёр, рабочих автозаправок, дворников, чернорабочих в строительстве и сельском хозяйстве и т.п.
 19. При этом на запросы пенсионных органов к российским посольствам о том, получает ли данный житель Латвии, Литвы или Эстонии военную пенсию из России, сотрудники посольства вовсе не обязаны предоставлять такую информацию.
 20. В том числе и такой серьёзный фактор, как присутствие частей российской армии на территории Латвии и Эстонии.
 21. Абсолютно никто не мешал тогда первому президенту России подписать серьёзный содержательный документ, а не коротенький акт о признании независимости и издать столь же краткий Указ.
 22. См.В.Якобсон. Влияние вступления ЭР в ЕС на идентичность русскоязычного населения. Таллинн, 2004.
 23. Эпштейн А. Репатриация и интифада // Вестник ЕАР (Еврейское агентство в России) ,2002, №3, с.68.
 24. Коммерсант, 14 февраля 2001 г.
 25. По свидетельству русских предпринимателей, им проще иметь дело с крайне радикальными партиями, вроде «Тевземей ун Бривибай» в Латвии или «Исамаалийт» в Эстонии, так как у них существует чёткий преискуронт лоббистских услуг. Это ещё раз показывает, что в циничных политических играх этнические ценности часто являются лишь декоративным прикрытием более приоритетных.
 26. Н.А.Косолапов. Становление субъекта российской внешней политики.//Pro et Contra. Т.6, №1–2, М., 2001.
 27. Б.Цилевич. Время жёстких решений. Рига, 1993, с.268.
 28. Интеграция в Таллинне 2001. Анализ данных социологического исследования. Таллинн, 2002, с.19–20.
 29. Там же, с.269–270.
 30. И.Межс, Б.Зепа. Проблемы прав человека.//Бюллетень Института этнологии и антропологии РАН. ,№ 30, март-апрель 2000, с.121.
 31. Национальные и этнические группы в Латвии, с.45.
 32. Диена, Рига, 14.09.1997.
 33. The Baltic States (The National Self — Determination of Estonia, Latvia and Lithuania)/ Ed. By Graham Smith. Macmillan. London, 1994. P. 200.
 34. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. Под. ред Л.Дробижевой. М., 2002, с. 130–134.
 35. В этом нет ничего удивительного. Этот кусок России отошёл к Эстонии по Тартускому договору.
 36. См, например, Anderson, Barbara A., Silver, Brian D.,Titma, Mikko, and Ponarin, Eduard.1996. Estonian and Russian Communities.//International Journal of Sociology, VOL.26, № 2 (SUMMER), pp. 25–45.
 37. Вести, Таллинн, 14.05. 2002.
 38. Более подробно положение и перспективы русскоязычного населения в странах Балтии рассматриваются в статье Р.Симоняна и Т.Кочегаровой «Российская община в государствах Балтии» в книге «Россия: трансформирующееся общество». /Под ред. В. А. Ядова. М., 2001,с.363–388.
 39. Õhtouleht, Tallinn, 25.08.2006.
 40. Молодёжь Эстонии, 26.04.2006
 41. День за днём, 23.05.2007.
 42. А.Астров. Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика. Таллинн, 2007, с.12.

43. Г.Померанц. Долгая дорога истории.// Знамя, М., № 11, 1991, с.184.
44. Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven; CT: Yale University Press, 1993. P.365.
45. В эстонском парламенте в 1995 г. была впервые образована русская фракция из 6 депутатов. Их могло быть значительно больше, но более 60% русских, обладающих избирательными правами, в голосовании не участвовали. Такая же социально-политическая пассивность русских характерна и для Латвии, и для Литвы.
46. Молодёжь Эстонии, 07.09.2002.
47. См. R.Vetik, L.Hansson, M.Unt, A.Allaste. Kas Eesti jääb püsima? Luup, 2001, Tallinn, 2001, № 12, lk.12–15.
48. Е.Фишкина. указ. соч., с. 179.

* Моделью послужил борец Кристьян Палусалу, чемпион Олимпийских игр 1936 года.